Отзыв официального оппонента о диссертации Владимира Николаевича Картавцева «Реципрок как категория явной и скрытой грамматики», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка

Диссертационное исследование В.Н. Картавцева посвящено категории взаимности, которая рассматривается на материале русского и английского языков с привлечением материала других языков.

В языкознании накоплена значительная информация, связанная с описанием отдельных языков, но по-прежнему стоит задача выявления общих закономерностей концептуализации внеязыковой реальности средствами естественного языка, описания механизмов кодирования отдельных признаков и их конфигураций. Одной из частных, но очень важных задач в рамках этой общей задачи является описание арсенала средств и механизмов, которыми располагают разные языки для концептуализации и грамматикализации ситуаций с «симметричными» действиями или отношениями участников, традиционно относимых к реципроку. Тем самым актуальность рассмотрения данной проблематики именно в типологическом ключе не вызывает сомнений.

Одна из трудностей выделения и описания реципрокальных ситуаций состоит в TOM, что само понятие взаимности является во многом интерпретационным. Если один человек задал вопрос, а другой ответил – это речевая реакция на речевое действие, но ситуация «вопрос-ответ» не считается симметричной и не описывается как Они поговорили (хотя оба что-то сказали). Если же один человек ругает, упрекает, отчитывает другого, а другой отвечает, возражает определенным образом, такую ситуацию, хотя в ней, как и в вопросно-ответных комплексах, обнаруживаются стимулы и реакции, обычно можно описать как взаимную, поскольку ей соответствуют глаголы ругаются, переругиваются, препираются.

Таким образом, квалификация ситуации как реципрокальной — это вопрос не только денотативного содержания, но и концептуализации. И исследователь,

который обращается к проблематике реципрока, не может ограничиться рассмотрением внеязыковой реальности, а должен постоянно делать поправку на особенности концептуализации.

Другая трудность, связанная с данным исследованием, состояла в том, чтобы не только описать материал двух языков — русского и английского, но и построить концептуальный аппарат, который бы позволил разработать типологию средств выражения взаимности и обеспечил сопоставимость полученных данных.

Главные научные достижения автора диссертации связаны с успешным решением этих трудных задач.

Как положительный момент следует отметить уже выбор материала исследования. Семантическое поле реципрока обширно и включает множество единиц. Однако прототипическими для реципрока следует считать скорее симметричные ситуации с участием людей, а не физических или абстрактных объектов. Автор сосредоточился на анализе именно субъектно-реципрокальных глаголов, и сам этот выбор свидетельствует об исследовательской зрелости и развитой лингвистической интуиции.

Важным достоинством работы В.Н. Картавцева является многофакторный анализ семантики глаголов и выделение тех семантических групп (физические, социальные, речевые взаимодействия), для которых наиболее характерно значения реципрока, а также системное исследование формальных средств выражения взаимности.

Еще одним несомненным достоинством работы является обращение к современным корпусным методам. Это позволило дополнить семантический, морфологический и синтаксический анализ языковых примеров количественными данными. Использование Национального корпуса русского языка, в том числе англо-русского параллельного подкорпуса, в качестве эмпирической базы исследования существенно повышает надежность и достоверность полученных автором результатов.

Как уже было отмечено, большое разнообразие способов выражения взаимности делает данный языковой материал трудным для исследования. Наряду с бесспорными реципроками типа дружить, воевать, спорить в работе фигурируют глаголы типа понимать, знать, смотреть, прощать в сочетании с местоимением друг друга, ср. пример (81) Они понимают друг друга с полуслова (с. 89) как иллюстрацию взаимного ментального действия и таблицу 7 (с. 100), где в качестве иллюстрации синтаксического способа выражения взаимности фигурируют односторонние глаголы в контексте местоименного маркера: знать друг друга, смотреть друг на друга; ср. также замечания вроде «переходные глаголы получают необходимый для выражения реципрокального значения контекстуальный лексический показатель – взаимное местоимение – знать друг друга» (с. 138). При этом неизбежно возникает проблема квалификации подобных конструкций, которая связана с более общей проблемой: насколько широко можно трактовать то или иное языковое явление, в нашем случае – явление реципрока. Установка на исследование именно глагольного реципрока (а не вообще семантики взаимности в любых ее проявлениях), декларируемая в работе, предполагает решение вопроса о том, что именно является носителем значения взаимности – глагол или конструкция. Установить, какие глаголы концептуализуют ситуацию как взаимную, и установить, какие глаголы могут присоединять оборот друг друга и в этом контексте обозначать симметричные действия, – это две разные задачи и два разных множества глаголов.

Вообще, в языке, как известно, существует масса случаев, когда некоторый смысл выражается не самой единицей, а контекстом. Например, конструкции разбежались кто куда и бросились кто куда обозначают неупорядоченное движение в разные стороны. Однако у разбежаться компонент 'в разные стороны' присутствует и в лексическом значении, и в контексте, а у броситься только в контексте (фраземе кто куда), поэтому броситься не входит в одну группу с разбежаться. Аналогичные рассуждения напрашиваются при сравнении конструкций враждовать друг с другом и смотреть друг на друга.

Конструкции типа *смотреть друг на друга* вряд ли относятся к явлениям глагольного реципрока того же уровня и качества, что и конструкции типа *враждовать друг с другом*. Во-первых, взаимное местоимение сочетается и с существительными (знания / представления / информация друг о друге), и с прилагательными (равны друг другу), и с наречиями (недалеко друг от друга). Во-вторых, хотя речь идет о симметричной ситуации, трудно доказать, что не только показатель друг друга, но и сам глагол имеет взаимное значение, т.е. что показатель друг друга выражает взаимное значение глагола, а не индуцирует взаимное значение конструкции.

Вообще, выражения типа *Они понимают друг друга* или [(85) *Все кончилось тем, что*] *я простил ее, она простила меня* (с. 90) являются скорее средствами конструирования взаимных ситуаций из односторонних глаголов, чем средствами выражения взаимности самих глаголов. Автор, несомненно, отдает себе в этом отчет, вопрос лишь в более аккуратных формулировках.

Та же проблема возникает по поводу глаголов с потенциальной семой взаимности типа бить / to hit (с. 125), которые в конструкции бить друг друга обозначают симметричную ситуацию. Наличие такой потенциальной семы трудно доказать – с таким же успехом можно предположить, что этот смысл – взаимность – является наведенным, индуцированным с помощью оборота друг друга. Во всяком случае, включать в толкование всех таких глаголов потенциальный компонент 'взаимность' – по-видимому, довольно неэкономный способ описания лексической семантики.

Более интересный вопрос — какие типы ситуаций концептуализованы (имеют тенденцию осмысляться) как взаимные. Глаголы типа *понимать* с исходно неодушевленным объектом (*Он понимает задачу*) или типа *смотреть на кого-что* с неспецифицированным объектом, в силу «несимметричности» участников, плохо приспособлены для выражения симметричных ситуаций. В особых условиях — при наличии двух одушевленных участников ('понимать другого человека', 'смотреть на другого человека') и при наличии лексического показателя взаимности (*понимать друг друга*, *смотреть друг на друга*) — они

могут обозначать симметричную ситуацию. Тем не менее эта симметричность является скорее механической суммой двух одинаковых ситуаций.

На роль потенциальных реципроков скорее могли бы претендовать глаголы типа *поздороваться*, которые, как проницательно отметил автор, хотя и являются исходно односторонними (*X поздоровался с Y-ом* не имплицирует *Y поздоровался с X-ом*), но при множественном подлежащем становятся семантически взаимными. Именно эти глаголы проходят диагностический тест В.П. Недялкова на реципрокальность — *Они поздоровались* (в отличие от [?]*Они понимают* или [?]*Они смотрят*). Специально хочу отметить, что выявление класса глаголов типа *поздороваться* можно считать важным результатом и научным открытием автора работы.

Вообще, работа В.Н. Картавцева, ставящая столь масштабные и интересные научные проблемы и решающая их на столь разнообразном материале, является не только увлекательным чтением, но и приглашением к серьезному профессиональному разговору, что представляется несомненной удачей автора.

В заключение выскажу два частных терминологических соображения.

1. Термины «скрытое выражение взаимности» (с. 47), «скрытое кодирование семантики реципрокальности» (с. 118) и под. не кажутся удачными.

Скрытыми могут быть смыслы или семантические категории; кодирование же, по определению, не может быть скрытым, поскольку это внешнее, формальное, материальное выражение смысла. Даже нулевые знаки не являются скрытыми, поскольку существуют лишь в составе парадигмы ненулевых знаков. С этим отчасти связан и вопрос лексического выражения Лексические семантических категорий. классы, В отличие словообразовательных или морфологических, объединяются, как отмечали многие классики лингвистической науки (Анна Вежбицка, Ю.Д. Апресян и др.), по сходству их внешних проявлений, языкового поведения. В нашем случае диагностических трансформациях, например, участие в это,

свойственны не только морфологическим, но и так называемым корневым реципрокам. Впрочем, подчеркну, что сам автор диссертации неоднократно отмечает по поводу лексических реципроков, что «единственным формальным показателем их принадлежности к множеству средств выражения взаимности является их функционирование в определенном *типе предложений*» (с. 75).

Можно посоветовать автору В будущих исследованиях не ограничиваться глагольной классификацией А. Мустайоки, но использовать фундаментальную классификацию предикатов Ю.Д. также Апресяна и семантические классификации Т.В. Булыгиной и Е.В. Падучевой, которые, в свою очередь, опираются на большую традицию, восходящую к Ю.С. Маслову и 3. Вендлеру. В этой традиции не принято называть действиями случайные неконтролируемые события (ср. пример (79) Мы случайно столкнулись с ней во дворе, с. 89); также не относятся к действиям ментальные стативы типа понимать (с. 89).

Высказанные соображения являются не замечаниями, а скорее приглашением к размышлению и продолжению исследований.

Подводя итог, можно констатировать, что в диссертации В.Н. Картавцева представлен тщательный и добросовестный анализ обширного и важного языкового материала, который, несомненно, заинтересует специалистов по семантике, грамматике и типологии. Высокий профессиональный уровень исследования и полученных результатов, огромный объем проделанной работы, солидная теоретическая база — все это характеризует автора диссертации как самостоятельного исследователя, хорошо владеющего научным аппаратом и способного выдвигать оригинальные идеи и решать сложные задачи. Большое количество публикаций в престижных научных изданиях и участие в международных конференциях свидетельствует о признании результатов исследований В.Н. Картавцева научным сообществом. Представленная работа является достойным началом научной биографии автора и позволяет выразить уверенность в его дальнейших успехах.

Результаты работы прошли апробацию на международных конференциях. По теме диссертации опубликовано 14 работ, в том числе 2 - в изданиях, индексируемом в международных базах научного цитирования Scopus и Web of Science, и 5 - в изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Автореферат и опубликованные работы корректно соотносятся с основным корпусом диссертационного исследования и полностью отражают его содержание.

Считаю, что диссертация Картавцева Владимира Николаевича «Реципрок как категория явной и скрытой грамматики» соответствует требованиям, изложенным в пунктах 9-14 Положения ВАК РФ «О порядке присуждения ученых степеней», утвержденного в новой редакции Постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 г., паспорту специальности 10.02.19 – теория языка и профилю диссертационного совета Д 212.038.07, а ее автор заслуживает присуждения ему искомой ученой степени филологических наук по специальности 10.02.19 - теория языка.

Кустова Галина Ивановна,

доктор филологических наук (специальность 10.02.19 – теория языка) ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН»

26 ноября 2020 г.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН». 119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2. Тел.: (+7 495) 695-26-60, сайт: http://www.ruslang.ru

Кустова Галина Ивановна. Тел.: (+7 905) 775-84-57

Эл. почта: galinak03@gmail.com

Адрес почтовый: 107392, г. Москва, ул. Просторная, д. 10, корп. 3, кв. 12.

Против включения персональных данных, содержащихся в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.